

Греко-латинское *тросос* в свою очередь могло быть перенесено на обозначение народной песни *троба* под влиянием и по созвучию с *тараба* и, как более понятное романскому населению Средиземноморья, ассоциироваться с латинским значением.

Тот факт, что до сих пор термин «трубадур» связывают с двумя различными латинскими основами, лишний раз показывает, что не понятая за пределами Испании арабская основа возводилась позднее к двум различным смысловым значениям.

Э. Д. ФРОЛОВ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ МЛАДШЕЙ ТИРАНИИ (выступление гермократа сиракузского)

По-видимому, есть своя логика в том, что в позднеклассический период именно в Сиракузах впервые в чистом виде вновь возродилась тирания, и мы должны поэтому с особенным вниманием отнестись к тем явлениям в политической жизни этого города, которые послужили провозвестниками этого возрождения.

Последний представитель старшей тирании в Сиракузах, младший брат знаменитого Гелона Фрасибул должен был отказаться от власти в 466/5 г. до н. э. (см. Diod., XI, 67—68), и с этих пор в Сиракузах, как и в большей части других греческих городов, полисные принципы получают возможность наиболее полного выражения¹. Правда, на первых порах Сиракузской республике пришлось пройти через полосу тяжелых внутренних смут, порожденных распрями между исконными гражданами и новыми, ставшими таковыми милостью тиранов. При этом в связи с выступлением некоего Тиндарида возникла даже опасность возрождения тирании, так что после его подавления на короткое время ввели петализм — особую

¹ См. А. Holm. Geschichte Siziliens im Altertum, Bd. I. Leipz., 1870, стр. 254, 430; E. A. Freeman, History of Sicily, v. II. Oxf. 1891, стр. 324; E. Pais. Storia dell' Italia antica e della Sicilia, ed. 2, v. I. Torino. 1933, стр. 379; H. Bengtson. Griechische Geschichte, 2 Aufl. Münch., 1960, стр. 210.

Работа Хюттля (W. Hüttl. Verfassungsgeschichte von Syrakus, Prag, 1929) осталась для меня недоступной.

форму суда, служившую, как и афинский остракизм, целям контроля гражданского коллектива над отдельной личностью (см. *Aristot. Pol.*, V, 2, 11, p. 1303 a 38—b 2; *Diod.*, XI, 72—73, 76, 86—87). Однако несмотря на это, а также на внешние осложнения — борьбу с этрусками (см. *Diod.*, XI, 88, 4—5) и сиккульской державой Дукетия (см. *ibid.*, XI, 91—92; ср. 76, 3; 78, 5; 88, 6—90, 2), к середине V столетия свободные Сиракузы находились на высокой ступени процветания и могущества, может быть, лишь немногим менее высокой, чем тогда, когда они были центром обширной державы Дейноменидов. По-видимому, развитие происходило здесь в том же направлении, что и в Афинах и в других экономически развитых полисах: внутри — в сторону все большей демократизации общественной и политической жизни, а вовне — в сторону растущей великодержавности. О последней стороне мы более осведомлены; и она, в свою очередь, позволяет судить о росте радикально-демократических тенденций во внутренней жизни. Война с Афинами, принявшая характер настоящей народной освободительной борьбы, и в особенности победы на море, предопределившие исход этой борьбы, решающим образом должны были содействовать росту этих тенденций и их окончательному торжеству. Не случайно, что сразу же после победы над афинянами, в 412 г., вождь сиракузских демократов Диокл провел важные преобразования в государственном устройстве Сиракуз, придав ему отчетливо выраженный радикальный характер (см. *Aristot. Pol.*, V, 3, 6, p. 1304 a 27—29; *Diod.*, XIII, 33, 2—3; 34, 6—35, 5)². Однако следствием этих преобразований было, естественно, обострение социальных отношений, рост противоречий между радикальными и консервативными группировками, что должно было отрицательно сказаться на полисном единстве. Вместе с тем война, поощрив профессионализацию армии и усилив значение отборных, кадровых отрядов (об использовании этих отрядов во время 2-й войны с афинянами см. *Thuc.*, VI, 96, 3; 3—4; VII, 43, 4—5; *Diod.*, XIII, 11, 4), повысив роль военачальников и вызвав к жизни практику чрезвычайных назначений (осенью 415 г. вместо 15 стратегов были назначены 3 стратега-автократора, см. *Thuc.*, VI, 72—73; *Diod.*, XIII, 4, 1; затем вместо них — снова 3 стратега-автократора?), см. *Thuc.*, VI, 103, 4), должна была содействовать развитию и других опасных для полиса тенденций.

---

² См. A. Holm, *Ук. соч.*, II, 1874, стр. 77, 417; E. A. Freeman, *Ук. соч.*, III, 1892, стр. 439; E. Pais, *Ук. соч.*, I, стр. 438.

В Сиракузах, так же как в Афинах и в Спарте, война способствовала личному возвышению профессионального политика и полководца — Гермократа, сына Гермона. Подобно Алкивиаду и Лисандру, он тоже не избежал конфликта со своей общиной, но в отличие от них он в конце концов решился на открытое вооруженное выступление против своего государства, вследствие чего его, более чем кого-либо другого, должно отнести к числу предтеч младшей тирании³.

Гермократ, несомненно, происходил из знатного и богатого рода. Помимо прямого свидетельства Тимея (см. F. Jacoby, *Fgr Hist.*, III В 566 F 102), на это указывает целый ряд фактов его биографии. Так, он, должно быть, получил хорошее специальное образование, как об этом можно заключить на основании его репутации — весьма высокой — оратора и военачальника (см. *Thuc.*, VI, 72, 2; *Xen. Hell.*, I, 1, 30 сл.; ср. *Plat. Tim.*, p. 20 a), а также из того, что он даже других брался обучать ораторскому и военному искусству (см. *Xen. Hell.*, I, 1, 30). Он должен был также обладать досугом и состоянием, что было необходимой предпосылкой для профессиональных занятий политикой. Наконец, в его политической деятельности красной нитью проходит враждебное отношение к демагогам, к их прямолинейно-радикальной политике (столкновения Гермократа с демагогами: в 415 г. — с Афинагором, см. *Thuc.*, VI, 32, 3 и сл.; в 413 г. — с Диоклом, см. *Diod.*, XIII, 19, 4 и сл. [по Плутарху — с Эвриклом, см. *Plut. Nic.*, 28]), из чего, впрочем, мы должны уже сделать вывод не только о происхождении, но и о политической ориентации Гермократа: он явно

---

³ Для истории Гермократа мы располагаем отличными материалами. Главные из них — сочинения Фукидида (книги IV, VI, VII и VIII), Ксенофонта (I книга его «Греческой истории») и Диодора (основывающегося в своей 13 книге на сочинении Тимея, который в свою очередь опирался на показания современника и очевидца Филиста). Нет недостатка и в новейших исследованиях. Кроме экскурсов в общих трудах по истории Сицилии (А. Хольма и Э. Фримена), а также в работах по истории Греции (см. особенно работы Ю. Белоха и Э. Мейера), см. также Th. Lepsius u. Hermokrates, I, RE, Bd. VIII, Hbd. 16, 1913, стлб. 883—887 с обстоятельной хронологией, положенной в основу настоящей работы; H. Westlake. Hermocrates the Syracusan. — *Bull. of John Rylands Library*, v. 41, p. 1, Sept. 1958, стр. 239—268; K. F. Stroheker. Dionysios I. Wiesbaden, 1958, стр. 33; H. Berve. Die Tyrannis bei den Griechen, Bd. I—II. Münch., 1967, I, стр. 215; II, стр. 634. Не все, однако, в выводах перечисленных исследователей нас удовлетворяет, что тоже, а не только непосредственный интерес к выступлению Гермократа, побуждает нас к новому рассмотрению этого эпизода истории Сиракуз.

принадлежал к олигархически настроенным кругам сиракузского гражданства⁴.

Гермократ был влиятельным политиком уже к середине 20-х годов V в. Весь первый период его политической деятельности (до отъезда в Грецию в 412 г.) отмечен последовательной, стойкой борьбой против империалистских поползновений Афин в Сицилии. В 424 г. он был одним из участников конгресса сицилийских греков в Геле, и его выступление сильно способствовало принятию участниками конгресса решения прекратить междоусобные распри, что заставило афинскую эскадру удалиться из Сицилии (см. Thuc., IV, 58 сл.). В 415 г., когда стало известно о движении афинян в сторону Сицилии, он выступил с призывом к организации энергичного отпора и, очевидно, уже тогда предложил ряд мер, направленных к ограничению «своеволия» маос и к установлению последовательной военной централизации, чем, по-видимому, и навлек на себя подозрение в стремлении к олигархическому перевороту (см. *ibid.*, VI, 32, 3 и сл.; ср. 72). Тем не менее осенью 415 г., когда угроза вражеской блокады стала очевидной, община прислушалась к советам Гермократа и, следуя его рекомендациям, пошла на учреждение чрезвычайной военной власти — трех стратегов-автократов, одним из которых стал сам Гермократ (см. Thuc., VI, 72—73; 96, 3; Diod., XIII, 4, 1; Plut. Nic., 16). Гермократ и его коллеги развернули энергичную подготовку к новой борьбе, как дипломатическую (посольства в Грецию и в сицилийские города — Thuc., VI, 73, 2; 75, 3 и сл.; 88, 7 и сл.; Diod., XIII, 4, 1 сл.; 7, 1 сл.), так и военную (сооружение укреплений, создание отряда из 600 отборных воинов — Thuc., VI, 75, 1; 96). Однако в следующую кампанию (414 г.) новые стратеги не сумели помешать афинянам высадиться, захватить Эпиполы и начать блокаду города и потому были отрешены от должности (см. Thuc., VI, 103, 4). Это смещение не положило конец военной и политической карьере Гермократа; в конце концов, в неудачах первой половины кампании 414 г. он был повинен менее всего. Поэтому, хотя в последующем ему, по-видимому, и не удавалось добиться вновь столь высокого назначения, как осенью 415 г., все же он продолжал активно участвовать в разработке планов и оказывал существенное влияние на руководство войной. Весной 413 г. он вместе с Гилиппом убеждает сиракузян обратиться к ак-

⁴ Общепринятое мнение. Принадлежность Гермократа к проолигархическим кругам оспаривает Вестляк (ук. соч., стр. 249—251), однако его доводы нельзя признать убедительными. Ср. Н. Вегве. Ук. соч., I, стр. 216.

тивными действиям на море (см. *ibid.*, VII, 21, 3 сл.). Несколько позже, командуя отрядом из 600 отборных воинов, он отличился при защите Эпипол (см. *Diod.*, XIII, 11, 4; ср., впрочем, *Thuc.*, VII, 43, 4—5). Наконец предпринятая им военная хитрость задержала окончательное отступление афинян и тем сильно содействовала их поражению и победе сиракузян (см. *Thuc.*, VII, 73; *Diod.*, XIII, 18, 3—5; *Plut. Nic.*, 26; *Polyaen.*, I, 43, 2).

Вскоре после разгрома афинян в Сицилии сиракузяне по настоянию Гермократа отправили в Грецию на помощь пелопоннесским союзникам сильную эскадру с тем, чтобы содействовать окончательному поражению афинян; командовать эскадрой было поручено самому Гермократу (см. *Thuc.*, VIII, 26, 1; *Diod.*, XIII, 34, 4). Гермократ, по-видимому, сам добивался этого назначения — не только потому, что это давало ему возможность продолжать борьбу с афинянами, но и потому, что на родине, в Сиракузах, ввиду усиления радикально-демократической группировки во главе с Диоклом теперь сложились неблагоприятные условия для политической деятельности таких людей, как он (ср. неудачное для Гермократа столкновение с демагогами по вопросу о том, как надо поступить с афинскими пленными, — *Diod.*, XII, 19, 4 и сл.; *Plut. Nic.*, 28). С этих пор начинается новый период в военно-политической деятельности Гермократа. Под его руководством сиракузский флот принимает деятельное участие в морской войне у берегов М. Азии и в проливах — при деблокаде пелопоннессцами Милета и взятии Иаса в 412 г. (см. *Thuc.*, VIII, 26, 1; 28, 2), в битвах при Кинносеме и при Абидосе в 411 г. (см. *ibid.*, VIII, 104, 3; 105, 2 и 3; 106, 3; *Diod.*, XIII, 39, 4 и 40, 5; 45, 7) вплоть до несчастного сражения при Кизике в 410 г. (см. *Хер. Нелл.*, I, 1, 18). Возглавляя крупное воинское соединение, Гермократ авторитетно вмешивался в руководство войною, между прочим решительно противясь попыткам Тиссаферна сократить субсидии союзному флоту и разоблачая его двойную игру и шашни с Алкивиадом (см. *Thuc.*, VIII, 29, 2; 45, 3; 85, 2—4; *Хер. Нелл.*, I, 1, 31). Находясь в течение долгого времени вдали от родины, ведя войну часто на свой страх и риск, Гермократ постепенно превращался в независимую политическую фигуру подобно тому, как это было с Алкивиадом и Лисандром⁵. Весьма возможно, что и это тоже, а не одно только пораже-

---

⁵ См. Я. А. Ленцман, Пелопоннесская война. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, стр. 333 и сл.

ние и потеря кораблей под Кизиком, как считает Ю. Белох⁶, было причиной смещения и изгнания Гермократа вместе с его товарищами по должности (см. Thuc., VIII, 85, 3; Xep. Hell., I, 1, 27 слл.; Diod., XIII, 63, 1).

К этому времени авторитет Гермократа в войске, особенно среди офицеров — триерархов и кормчих, стоял столь высоко, что воины, по свидетельству Ксенофонта, при получении известия о решении народного собрания в Сиракузах едва не взбунтовались: они не пожелали (как, очевидно, того требовала инструкция) выбрать временных командиров на место смещенных стратегов и настояли на том, чтобы эти последние вместе с Гермократом продолжали выполнять свои обязанности вплоть до прибытия вновь назначенных стратегов. А когда наступил момент расставания, «большинство начальников триер поклялось, что они, вернувшись на родину, добьются отмены декрета об изгнании» (Xep. Hell., I, 1, 29, пер. С. Я. Лурье). Ксенофонт с обычным своим вниманием ко всему, что характеризует личность полководца-властителя, рассказывает любопытные подробности с тем, чтобы яснее показать и объяснить популярность Гермократа среди воинов: «Особо обращаясь к Гермократу, они (триерархи. — Э. Ф.) сожалели о разлуке с ним, отличавшимся такой заботливостью, великодушием и общительностью; так, например, он два раза в день — рано утром и с наступлением вечера — собирал в свою палатку тех из начальников триер, кормчих и морских воинов, которых считал наиболее подходящими, и сообщал им содержание своих будущих речей и что он намерен совершать; он занимался также их военным образованием, заставляя их высказывать свои мнения как экспромтом, так и по здравом размышлении. Поэтому-то Гермократ пользовался большим успехом на собраниях, имея репутацию наилучшего оратора и тактика» (ibid., I, 1, 30 сл., пер. С. Я. Лурье с некоторыми нашими изменениями). Весьма возможно, что побуждали к этому Гермократа не только заботы о риторическом и военном образовании своих подчиненных, но и стремление укрепить свою личную связь с войском, в первую очередь с наиболее подходящими, с его точки зрения, офицерами и солдатами. Кстати заметим, что у Ксенофонта в слове *οι εὐχρηστάτοι*, которое мы осторожно перевели выражением «наиболее подходящие», может заключаться не просто оценка интеллектуальных способностей, как

---

⁶ K. J. Beloch. Griechische Geschichte, 2 Aufl., Bd. II, Abt. 1, Berl.—Leipzig, 1927, стр. 402; Abt. 2, Strassb., 1916, стр. 245.

именно обычно и понимают (ср. переводы: С. Я. Лурье — «наиболее даровитые», Ж. Хатифельда — «les plus capables»), но и оценка морально-политических качеств, т. е. под этими «наиболее подходящими» могут иметься в виду люди, близкие Гермократу по своим симпатиям и интересам, такие именно, в которых он мог видеть своих действительных или возможных единомышленников, свою опору в войске⁷. Что он работал над созданием такой опоры, это, во всяком случае, не вызывает сомнений.

Но если Гермократ был именно таким полководцем, со склонностью к упрочению своего авторитетного положения, почему же тогда он не стал апеллировать к войску и сдать все-таки командование вновь прибывшим стратегам? На этот вопрос мы не можем ответить с уверенностью. Возможно, он еще сам колебался принять окончательное решение, а может быть, просто не был уверен в том, что за ним последует все войско, ибо значительная часть флотских экипажей должна была быть и социально и политически связана с той самой демократией, которая теперь порывала с ним⁸. Скорее всего — это последнее, ибо, сдав команду, Гермократ немедленно начал готовиться к насильственному возвращению на родину, из чего, по-видимому, следует, что у этого честолюбивого и энергичного полководца с самого начала явилась мысль не смиряться на этот раз и силой отстаивать свое право на политическое первенство. При этом возможно, что какие-то подготовительные шаги были им предприняты еще до окончательной сдачи командования, в те полгода, что отделяют получение известия о смещении (зима 410/9 г.) от прибытия новых стратегов (лето 409 г.)⁹.

Так или иначе летом 409 г., очевидно сразу же после передачи войска новым командирам, Гермократ явился к персидскому сатрапу Фарнабазу, с которым его уже раньше, по-видимому, связывала общая вражда к Тиссаферну, и без труда (у Ксенофонта — «прежде чем попросил [πρὶν αἰτήσαι]») по-

⁷ О морально-политических оттенках слова εὐεχής и производных от него у Аристотеля и других писателей IV в. до н. э. см. А. И. Доватур. Социальная и политическая терминология в «Афинской политике» Аристотеля. — ВДИ, 1958, № 3, стр. 76 и сл. Для истолкования данного места Ксенофонта ср. Е. А. Фреетан, Ук. соч., III, стр. 431.

⁸ Ср. Е. А. Фреетан, Ук. соч., III, стр. 430 и сл.; К. J. Velock. Ук. соч., II, I, стр. 403.

⁹ Мы, таким образом, решительно, не согласны с Вестляйком (ук. соч., стр. 261), Штроекером и Берве, подчеркивающими искреннюю лояльность Гермократа при сдаче им командования в 409 г.

лучил от него деньги, на которые «стал готовить наемников и триеры для возвращения в Сиракузы» (Хеп. Hell., I, 1, 31, пер. С. Я. Лурье; ср. Diod., XIII, 63, 2). Из лояльного полководца Гермократа, таким образом, превратился в кондотьера-авантюриста, и этот кондотьер готовился теперь к вооруженному вторжению на свою родину. Впрочем, кроме чужеземных денег и наемников, Гермократа определенно рассчитывал на помощь своих сторонников в самих Сиракузах, и прежде всего тех военных, которые, по свидетельству Ксенофонта, столь пылко выразили ему свою солидарность при расставании в Милете; ведь еще тем же летом сиракузская эскадра была отозвана на родину (см. Diod., XIII, 61, 1; Justin., V, 4, 5). Что у Гермократа в Сиракузах имелась группа личных приверженцев — «друзей» (φίλοι), это прямо подтверждается свидетельствами Диодора в рассказе о последующих попытках Гермократа проложить себе путь к возвращению (см. Diod., XIII, 63, 3; 75, 6 слл.). При этом к числу близких друзей Гермократа в Сиракузах могли относиться не только молодые и незнатные честолюбцы, вроде Дионисия, мечтавшие возвыситься, держась за полу плаща Гермократа, но и отдельные влиятельные граждане, такие, например, как Гиппарин и Филист, которые позднее поддержали Дионисия и могли, стало быть, с сочувствием отнестись и к предприятию Гермократа¹⁰, в противоположность остальной части полисной элиты, которая в принципе отнеслась враждебно и к выступлению Гермократа, и к выступлению Дионисия.

С полученными от Фарнабаза деньгами Гермократа явился в Пелопоннес и здесь, в Мессении, построил 5 триер и набрал 1000 наемников (см. Diod., XIII, 63, 2, где место строительства кораблей — Мессения — спутано с местом высадки в Сицилии — Мессаной). С этими силами он, по-видимому, помог спартамцам при взятии обратно Пилоса зимой 409/8 г. (см. Diod., XIII, 64, 5, с чтением П. Весселинга; ср. Хеп. Hell., I, 2, 18). Весной 408 г. мы застаем Гермократа и брата его Проксена примкнувшими к лакедемонскому посольству, которое направлялось к персидскому царю (см. Хеп. Hell., I, 3, 13). Возможно, впрочем, что цель самого Гермократа была не столь далекой и что он отправился снова в М. Азию просто для того, чтобы еще раз повидать своего покровителя Фарнабаза. Наконец летом 408 г. приготовления к возвращению бы-

¹⁰ Ср. К. F. Stroheker. Ук. соч., стр. 195 (примеч. 14 к главе II) и стр. 39; Н. Вегве. Ук. соч., I, стр. 221.

ли закончены, и Гермократ во главе своего небольшого отряда отплыл в Сицилию (см. Diod., XIII, 63, 1 сл.).

В Сицилии Гермократ застал тревожную ситуацию. В 409 г. вспыхнула новая война с Карфагеном, которая вскоре приняла опасный для греков оборот. Уже в первый год войны карфагеняне взяли штурмом Селинунт и Гимеру, и теперь угроза нависла над Акрагантом и остальной частью Сицилии (см. Diod., XIII, 43—44, 54 сл.; [Xen.] Hell., I. 1, 37). Как мы увидим дальше, эта ситуация оказалась сильно на руку Гермократу. Высадившись в Сицилии, в Мессане (см. Diod., XIII, 63, 2, с учетом приведенного выше разъяснения), Гермократ присоединил к своему отряду около 1000 гимерян, чей город незадолго до этого был взят и разрушен карфагенянами, и, полагаясь на поддержку друзей, к тому времени активизировавших свои усилия в Сиракузах, сделал попытку, очевидно силой, проложить себе дорогу на родину. Однако эта попытка провалилась, очевидно вследствие противодействия со стороны правящей радикально-демократической группировки во главе с Диоклом (см. *ibid.*, XIII, 63, 3; о противодействии противников Гермократа ср. 63, 1 и 6; 75, 4 сл.). Тогда он пересек весь остров с востока на запад, занял и укрепил часть лежавшего в развалинах Селинунта (он был взят карфагенянами еще до Гимеры) и стал созывать отовсюду уцелевших селинунтян и других греков, пострадавших от карфагенского вторжения. Вскоре у него было до 6000 отборных воинов, и с ними он на свой страх и риск повел борьбу с карфагенянами, опустошая исконные владения финикийцев в западной части острова (см. *ibid.*, XIII, 63, 3 сл.). Имя Гермократа стало теперь символом всеобщей освободительной борьбы, вследствие чего резко возросла его популярность и в его родном городе Сиракузах, где настроение общества все больше изменялось в пользу Гермократа и где народ (*δῆμος*) на собраниях все с большим сочувствием прислушивался к участвовавшим теперь выступлениям с призывом вернуть прославленного полководца из изгнания (см. *ibid.*, XIII, 63, 5 сл.). Готовясь предпринять новую попытку к возвращению, Гермократ из Селинунта перешел в Гимеру. Здесь он собрал останки павших в 409 г. в битве с карфагенянами соотечественников и с пышной процессией в сопровождении верных людей отправил их для захоронения на родину, а сам, подчеркнуто демонстрируя свое уважение к закону, остался на границе и стал выжидать результатов затеянной акции (см. *ibid.*, XIII, 75, 2 сл.). Все это делалось в пик Диоклу, который в 409 г. командовал сира-

кузским отрядом, посланным на помощь гимерянам, и должен был отступить, оставив тела павших без погребения (ср. *ibid.*, XIII, 59, 9—61, 6).

В Сиракузах теперь разразился политический кризис: Диокл, понимая пропагандистский характер предпринятого Гермократом шага, со свойственной ему прямолинейностью воспротивился погребению присланных останков и этим оттолкнул от себя народную массу, которая теперь, несомненно по подстрекательству друзей Гермократа, приняла решение не только о торжественном погребении павших воинов, но и об изгнании Диокла. Однако и после этого друзьям Гермократа не удалось провести решение о возвращении его из изгнания. Сиракузяне, пишет Диодор, «относились с подозрением к дерзкой отваге этого мужа, опасаясь, как бы он не добился руководящего положения и не объявил себя тираном» (*Diod.*, XIII, 75; 5). Поскольку, согласно Диодору, народная масса склонялась на сторону Гермократа, а с другой стороны нам известно, что в дальнейшем, при Дионисии, наиболее упорное сопротивление тирании оказали аристократы-всадники, можно предположить, что и тогда уже опасениями были охвачены в особенности эти аристократические слои и именно они оказали решающее противодействие планам Гермократа. Сделать это им было тем легче, что после устранения Диокла большим влиянием в государстве стала пользоваться умеренная, близкая олигархии группировка во главе с Дафизем (ср. *Aristot. Pol.*, V, 4, 5, p. 1305 a 26—28; *Diod.*, XIII, 86, 4 и слл.; 96, 3; *Polyaen.*, V, 7) ¹¹.

Так или иначе, но и эта попытка Гермократа сорвалась. Он возвратился в Селинунт, но через некоторое время, очевидно уже в начале 407 г., согласовав свои действия с друзьями в Сиракузах, в третий раз сделал попытку проложить себе дорогу на родину (см. *Diod.*, XIII, 75, 6 слл.). С трехтысячным отрядом он выступил из Селинунта, прошел через область Гелы и ночью явился под Сиракузы, в условленное место, к воротам, ведущим в северную часть тогдашнего города — Ахрадину. Его сторонники к этому времени заняли отдельные пункты (*τοὺς τολῶνς*), очевидно в этой же части города. Во время ночного марша большая часть войска отстала от Гермократа, и он теперь решил обождать их. Это дало возможность республиканскому правительству организовать отпор. Граждане

¹¹ Ср. К. F. Stroheker. Ук. соч., стр. 34 сл.; Н. Verве, ук. соч., I, стр. 216; II, стр. 634.

с оружием в руках явились на городскую площадь и оттуда атаковали Гермократа и его друзей. В уличной схватке сам Гермократ пал, большинство его сторонников было перебито, а оставшиеся в живых были преданы суду и приговорены к изгнанию. Впрочем, некоторые из тяжелоораненых были объявлены своею роднею мертвыми, и это спасло их от немедленного суда и изгнания. Одним из таких спасенных был 23-летний Дионисий, будущий сиракузский тиран.

Попытка государственного переворота, предпринятая Гермократом, окончилась неудачей, однако этот эпизод показал, сколь близка и реальна была угроза возрождения тирании в Сиракузах, в городе богатом и процветающем, с развитыми уже полисными и демократическими традициями, где народ, гордый недавнею победою над афинянами, только что, казалось бы, окончательно утвердил свой суверенитет. Нависшая угроза карфагенского нашествия поставила под вопрос прочность сложившейся политической системы, а выступление Гермократа показало, что и в Сиракузах не было недостатка в людях, готовых воспользоваться тревожной ситуацией и из честолюбивых соображений пойти на свержение законного республиканского правительства. В этой связи подчеркнем, что нам не представляются удачными попытки частичной реабилитации Гермократа, которые мы встречаем у ряда современных исследователей. Утверждают¹², что Гермократ почти до самого конца оставался лоялен перед своим государством и на последний отчаянный шаг решился не из честолюбия, а из патриотизма, движимый тревогою за судьбу своего отечества, оставшегося накануне решающих схваток с карфагенянами на почечении неспособного правительства. Однако, как мы видели, смирение Гермократа перед решением сиракузского народного собрания зимой 410/9 г. было скорее всего внешним, вынужденным; он рано стал готовиться к насильственному возвращению на родину, и его известный патриотизм не исключал, как это признают и его апологеты, его конечной политической метаморфозы: в 408/7 г. этот аристократ готов был стать тираном.

Интересна комбинация сил и средств, которыми располагал Гермократ при осуществлении своей попытки государственного переворота. Отправной точкой служила помощь со стороны чужеземного властителя, непосредственным орудием — наемные войска, а скрытой опорой — группа личных

---

¹² Те же Вестлэйк, Штрокер, Берве.

приверженцев на родине. Слабость оппозиции, — противодействие Гермократу со стороны сиракузского общества было вплоть до последнего момента далеко не единодушным, — повышала шансы этого честолюбца на успех. При этом с точки зрения методов борьбы за власть поучительна эксплуатация Гермократом популярной народной идеи, патриотического лозунга борьбы с карфагенянами. Вместе с тем опыт Гермократа показал, что указанных выше сил было еще недостаточно для успеха и что этот недостаток не могла компенсировать даже ловкая эксплуатация патриотических настроений. Необходимо было обеспечить сотрудничество более широких народных масс, и здесь важно было дополнить «национальную» демагогию демагогией социальной. Этот «недостаток» был исправлен Дионисием Старшим.

М. А. ЦУКАНОВА

**АРИСТОТЕЛЬ О ПЕРИОДЕ ГЛАВЕНСТВА АРЕОПАГА
ПОСЛЕ 480 года до н. э.**

(К истолкованию «*ta epitteta*» в «Афинской политике», 25,2)

1

Среди многих вопросов, связанных с изучением «Афинской политики» Аристотеля, до сих пор остается спорным, насколько достоверны сообщения Аристотеля о периоде главенства Ареопага после 480 года до н. э. (Афинская политика, 23, 1—2; 25, 1; 41, 2) и насколько соответствуют действительности его свидетельства о реформе Ареопага 462/461 г. до н. э. (25, 2; 26, 1; 35, 2; 41, 2).

Сообщения Аристотеля о реформе Ареопага явно противоречат сообщениям Плутарха в биографиях Кимона и Перикла, сообщению Диодора (XI, 77, 6) и данным фрагмента Филохора об Эфиальте (F. Jacoby, FgrHist., III В 328 F. 64b(a)).

По Филохору, Эфиальт отнимает у Ареопага все права за исключением судебных функций по делам уголовного характера. Диодор видит в Эфиальте единственного виновника реформы Ареопага: по его словам, демагог Эфиальт, возбудив